

Спектакль

"Москва — Петушки"
в зеркале прессы:

"Русская мысль",
июль 1996 г.

"Вечерний клуб",
1996 г.

"Дом актёра", 1996 г.

"Шанс",
июнь — июль 1998 г.

"Наш Иерусалим",
июль 1998 г.

"Русский
израильтянин",
август 1998 г.

"Дом культуры",
декабрь 1998 г.

"Подмосковье",
август 1999 г.

"Российская газета",
март 2000 г.

"Московская правда",
апрель 2000 г.

"Наш Белгород",
август 2000 г.

"Moskauer Deutsche
Zeitung",
август 2000 г.

"Реклама и жизнь",
2000 г.

"Теленеделя",
сентябрь 2000 г.

"Vestnik",
октябрь 2000 г.

"Новости Пскова",
апрель 2001 г.

О спектакле "Москва — Петушки"

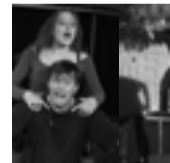
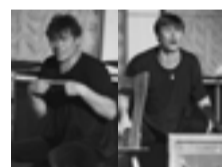
"НАМ НЕ О ЧЕМ С ВАМИ ПИТЬ". В. ЕРОФЕЕВ
(опубликовано в газете "Новости Пскова"
13 апреля 2001 года)

Скандалная слава сопутствовала поэме Венедикта Ерофеева "Москва — Петушки" с самого её рождения, когда в 1969 году она увидела свет на страницах журнала "Трезвость и культура". Автор осмелился заглянуть за респектабельный фасад строящегося общества "равенства и братства", где в ожидании коммунистического рая тихо спивались, подобно герою Веничке, не востребовавшие "хозяйева жизни". Большинство сознательных читателей восприняло тогда историю жизни и смерти вечно пьяного Венички как грубый, но поучительный анекдот или агитку о вреде пьянства. В меньшинстве оказались те, кто увидел за эпатажем ненормативной лексики до пронзительности честную историю о трагическом конфликте человека с чистым, открытым миру сердцем и изолгавшейся вконец страной Советов. По Ерофееву, в стране, "где так вольно дышит человек", на самом деле люди глухи и безучастны друг к другу до жестокости. Кроме того, как ни странно, это произведение, написанное прозой, где каждая страница — ирония и боль, сам Ерофеев назвал поэмой. Может быть, по аналогии с "Мёртвыми душами" Гоголя или в созвучии с Северяниным, утверждавшим, что "поэма жизни — жизнь сама". Сегодня у людей, считающих, что если им суждено погибнуть, так уж лучше от вина, иные внутренние мотивы, чем при социализме, но это сути не меняет. Конфликт между человеком и обществом, грозящий ему "гибелью всерьёз", не становится менее драматичным.

С целью высказаться по этому поводу в Москве, в культурном центре имени В.С. Высоцкого, пять лет назад была осуществлена постановка спектакля по поэме "Москва — Петушки". Смельчаком оказался режиссер Театра на Таганке Валентин Рыжий. Вместе с молодым актером Александром Цурканом в главной роли он решился на самый сложный сценический эксперимент — создать спектакль на основе монолога продолжительностью в полтора часа. Спектакль с успехом прошел в Израиле и Америке, а недавно псковичи имели возможность увидеть эту работу на сцене филармонии. Мнение публики по поводу увиденного разделилось: одни демонстративно покинули зал, другие — восторженно приветствовали артистов и постановочную группу. Но прежде, чем дать возможность высказаться по поводу замысла спектакля и актёрских ощущений нашим московским гостям, будет не лишним хотя бы коротко представить нашим читателям автора поэмы "Москва — Петушки". Ведь многие зрители, покупая билеты, не имели никакого представления о предстоящем зрелище. Может быть, они готовились к водевилю, введенные в заблуждение простоватым названием или ёрническим коктейлем "Сучий потрох", заявленным в программе, из пива "Жигулевского", шампуня "Садко — богатый гость", клея "БФ" и тормозной

Фото
(фото
П. Горб

Гастроли:

жидкости. Этот коктейль, придуманный Ерофеевым, артистам удалось приготовить в строгих пропорциях, и он многим пришелся не по вкусу. И все же следует представить автора столь экзотического напитка.

Имя Венедикта Васильевича Ерофеева, или Венички, как называли его собратья по перу и собутыльники, окутано самыми невероятными слухами и толками. Что касается официальной части его биографии, анкеты, то в ней больше прочерков: не был, не участвовал, не состоял. Он родился в 1938 году в небольшом селе на Волге. Следуя зову своей любознательности, в юности он перепробовал самые разные профессии. Учился много и с удовольствием: полтора года был студентом филологического факультета МГУ, затем — по несколько лет учился в разных провинциальных вузах. Будучи противником принятой в СССР системы высшего образования и не имея ни одного диплома об окончании вуза, Венедикт Ерофеев, по воспоминаниям современников, обладал феноменальной эрудицией. Он потрясал собеседников познаниями в области философии, музыки, филологии. На протяжении 17 лет он жил в Москве без прописки, в статусе "бомжа" и занимался литературной деятельностью. В историю литературы В.В. Ерофеев вошел как эссеист, драматург и писатель — автор нашумевшей поэмы "Москва — Петушки", произведений: "Василий Розанов глазами эксцентрика", "Моя маленькая Лениниана", "Быть русским — лёгкая провинность" и других. Большинство литературных публикаций осуществлялось даже без ведома автора где-нибудь за границей, а многие черновики и вовсе были утрачены из-за постоянных переездов Ерофеева с квартиры на квартиру. Он умер в 52 года от мучительной болезни — рака горла — и похоронен на Ваганьковском кладбище. Отрадно, что, помимо книг, вызывающих жаркие споры по сей день, память о Венедикте Васильевиче согрета тёплыми воспоминаниями знавших его людей. Он отдавал им себя, ничего не оставляя про запас и ничего не прося взамен. Именно это и роднит автора с героем его поэмы Веничкой.

Сюжет поэмы прост. Автор, он же герой, едет на электричке из Москвы до станции Петушки, и в каждой главе описывается происходящее с ним за время следования от одной станции к другой. Поскольку герой поэмы прикладывает бутылку на каждом перегоне, до конечной станции Петушки он не доезжает. Толпа выносит его из тамбура на перрон, где он на лавочке и зажимается. Затем какой-то доброхот сажает его в полубессознательном состоянии в вагон электрички, следующей... обратно в Москву.

Спектакль "Москва — Петушки" начинается со сцены в подъезде (в поэме — заключительной), с той самой сороковой ступеньки, на которой Веничке вот-вот всадят в горло острое шило. Далее — пленка Веничкиной памяти отматывается назад. В эмоциональном плане спектакль сложен и тяжёл не только для исполнителя главной роли Александра Цуркана, но и для зрителей, которые становятся невольными соучастниками гибели молодого красивого человека, открытого миру до уязвимости. Не зря говорится, что у трезвого в голове, то у пьяного на языке. Монологи подвыпившего Венички — это исповедь. Александр Цуркан играет его человеком, взвалившим на себя ответственность за все и всех, кто его окружает. Он ощущает в себе все жизненные токи мироздания. От полноты чувств и ощущений он часто бывает косноязычным, непонятым окружающим. Он напивается, когда от душевного перенапряжения в нем

перегорают "пробки" и его "замыкает" на какой-нибудь "коктейль", просто несовместимый с жизнью. Это ощущение загнанности Венички усиливается частой трансформацией декораций. Оформление спектакля необычно: это несколько стоек бара. Стойки, как ни статично это название, находятся в постоянном движении: крутятся, ложатся плашмя, образуя то вагон электрички, то клетку, то бар, воссоздавая лихорадочный ритм жизни героя, напоминающий агонию. По словам исполнителя главной роли Александра Цуркана, эти подлинны стойки из бара-ресторана "Кама", что находился по соседству с Театром на Таганке, подпитывают его великой, почти мистической энергией. За этими стойками часто можно было встретить Владимира Высоцкого, Евгения Урбанского, Андрея Тарковского, Василия Шукшина, Леонида Енгибарова. "Пластика, заимствованная мною у Высоцкого и Енгибарова, их колоссальная энергия, как мне кажется, позволили сделать спектакль живым, нервным, напряженным", — поделился со мною своими впечатлениями сразу после спектакля **Александр Цуркан**.

— Вместе с Веничкой вам только что пришлось пройти нелегкий путь расставания с жизнью. Каким образом эта роль отразилась лично в вашей жизни? — продолжила я разговор с артистом.

— Знакомство с Веничкой, которого переполняет любовь ко всему сущему, помогает мне не озлобляться, не превращаться в мизантропа. Ерофеев, книгу которого "Москва — Петушки" я считаю апокалипсисом русской жизни, учит ответственности: за оставленную семью, за ребёнка, растущего без отца, за муравья, случайно попавшего под колесо велосипеда. По моему убеждению, поэма Ерофеева написана о мужестве художника жить в этом мире, не изменяя себе ни при каких обстоятельствах.

— Как, по-вашему, что за "электричка" проносится в сознании Венички в то мгновенье, когда он находится между жизнью и смертью? — адресовала я свой следующий вопрос подошедшему режиссеру-постановщику Валентину Леонидовичу Рыжему (его фамилия, к слову говоря, никакого отношения не имеет к цвету его тёмных с проседью волос).

— Всё, что проносится перед затухающим сознанием героя спектакля, составляет его фабулу: это возлюбленная, сын Венички, цитаты из его эссе, которое уже никто никогда не прочтёт. Здесь я вижу тему творчества писателя, художника и платы за него. С другой стороны, в спектакле воплотилась и трагическая судьба самого Театра на Таганке: уход из жизни Владимира Высоцкого и других близких людей, развал театра, отъезд-приезд Любимова. Я посвятил этот спектакль друзьям своей юности и людям, оказавшим на меня колоссальное влияние: поэту Николаю Рубцову, драматургу Александру Вампилову, футболисту Эдуарду Стрельцову, миму Леониду Енгибарову и, конечно, Владимиру Высоцкому. Для меня спектакль — это своеобразный коктейль совести и бесчеловечности, честности и подлости, свободы и несвободы в человеке.

— Лично вам приходилось встречаться с Владимиром Высоцким или Леонидом Енгибаровым? Какие черты их личностей нашли отражение в собирательном образе Венички?

— Я пришел в театр, когда репетировался "Гамлет" с Высоцким в главной роли (мне доверили роль первого актёра), и я оказался в одной гримерной с Владимиром Семеновичем. Мне посчастливилось наблюдать самую могучую его работу, где главным было бесстрашие человека,

принявшего какое-то решение. На мой взгляд, сейчас вокруг имени Высоцкого идет большая "распродажа". Как иронизировал когда-то Блок, "все пишут и пишут хорошо". Все написали о Высоцком свои воспоминания — "пристаканились" к его славе. С Леонидом Енгибаровым тоже были встречи, оказавшие на меня неизгладимое впечатление. У него в цирке был номер "Разминка боксера", который буквально преследует меня. (Енгибаров, к слову, был мастером спорта по боксу.) Скакалка все уменьшалась, и он бегал по стремительно сужающемуся кругу. Говорят, он страшно пил, но я его таким не видел. Я встречался с ним, когда Енгибаров был уже тяжело болен. Врачи ставили ему диагноз "нефрит". Но как говорил Ерофеев: "При чем тут водка? Далась вам эта водка!"

Эти гиперчувствительные люди жили в несоразмерном с человеческими возможностями напряжении. Я счастлив, что мы представляем спектакль "Москва — Петушки" от центра Высоцкого. Сегодня за нашим героем "гонялись" тени таких удивительных людей, как Шпаликов, Рубцов, Вампилов, Высоцкий, Ерофеев, которые перешагнули страх смерти и этим обрели себе бессмертие. Они укоряют нас и вселяют мужество жить, помогают сохранить себя от суеты, неразберихи в голове.

— *Как, по-вашему, талант всегда вынужден преодолевать сопротивление, расти как трава сквозь бетон?*

— Да, каждое время ставит одни и те же вопросы. Сегодня, когда под свободой часто понимается беспредел, людям творчества не менее сложно работать. Ерофеев и призывал к неучастию в разного рода безобразиях. В этом был его протест.

— *Какими творческими проектами сейчас занимается "Мастер"?*

Юрию Петровичу Любимову принадлежит формула, которая лично для меня является примером: "Не репетируют только бездари". После премьеры "Театрального романа" по Булгакову он выпустил "Хроники" Шекспира, "Евгения Онегина", с которым приезжали к вам в Псков. Особенность Юрия Петровича в том, что он всегда реализует свои планы, даже через 30 лет, как это случилось с "Хрониками". Театр много гастролирует, участвует в разного рода фестивалях. "Братья Карамазовы", поставленные к 80-летию Любимова, проехали весь мир: от Калуги до Парижа и Токио. Сейчас к театральной олимпиаде он репетирует в Таллине с местным хором ораторию "Апокалипсис". Таганка верна своему стилю. Как любит говорить Любимов, у одного актера был один штамп, и он неплохо жил всю жизнь. Этим актером был Чарли Чаплин. Так и Юрий Петрович верен своей методологии, "расставлению пауз" в зрительном зале. Его любимый "дурацкий колпак" переходит из спектакля в спектакль, но он привносит под влиянием новых общественных и эстетических процессов что-то новое в свой стиль. В театре много талантливой молодежи, с некоторыми из восходящих "звезд" Таганки псковичи уже познакомились.

И. ЕФИМОВА